

УДК 821.161.1-1

*В.М. Нуриева***АПОЛЛОНИЧЕСКОЕ И ДИОНИСИЙСКОЕ В ЦИКЛЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ
«СТИХИ О МОСКВЕ»**

В статье рассматриваются образно-смысловые функции мифологемы Аполлон – Дионис в цикле М.И. Цветаевой «Стихи о Москве». Актуальность данной проблематики определяется недостаточной степенью изученности соотношения аполлонического и дионисийского начал в контекстах произведений, входящих в цикл. Несмотря на то что большинство литературоведов считает доминантным для поэтики М.И. Цветаевой дионисийский код, анализ ряда стихотворений обнаруживает, что аполлоническая символика и связанные с ней мотивные комплексы играют здесь первостепенную роль. Данным подходом обусловлена научная новизна статьи и ее основных положений. Исследование подводит к выводу о том, что аполлоническое и дионисийское начала проявлены в художественных мирах стихотворений в различных формах взаимосвязей, прежде всего как единство противоположностей, отражающее диалектическую гармонию той космозированной реальности, в которой пребывает сознание лирической героини.

Ключевые слова: М. Цветаева, цикл «Стихи о Москве», дионисийское, аполлоническое, миф, символ, парадигма.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-6-1281-1288

Уже с первых своих шагов в поэзии Марина Цветаева проявила себя как художник с ярко выраженной дионисийской ориентацией. Ее лирическую героиню отличает дух свободы, стихийность и страстность – качества, присущие дионисийскому сознанию. Преобладание в поэзии М. Цветаевой дионисийских стихий в сравнении с аполлоническим началом отмечает большинство исследователей [см.: 10; 12; 15; 18; 19]. Однако зададимся вопросом о том, реализуется ли эта семантическая доминанта в цикле «Стихи о Москве». Оттолкнемся при этом от мысли Г.М. Ибатуллиной о том, что «М. Цветаева ... актуализирует во многих своих произведениях ... образно-смысловые парадигмы аполлонического мифа в ситуации диалогической взаиморефлексии с мифом дионисийским» [7, с. 24].

В стихотворениях «Облака – вокруг...» [23, т. 1, с. 268], «Из рук моих – нерукотворный град...» [23, т. 1, с. 273], «Красною кистью...» [23, т. 1, с. 273], входящих в цикл «Стихи о Москве», четко прослеживаются и дионисийский, и аполлонический коды, хотя их соотношение может быть разным. Так, в первом из названных стихотворений аполлоническое доминирует, проявленные здесь элементы дионисизма космозированы, уравновешены аполлонической гармонией.

Ключевыми в художественно-смысловой парадигме аполлонического и дионисийского являются образы-символы, приобретающие мифологизированную окраску: «купола», «деревцо», «сорок», «облака», «церковь», «семихолмие», «колокольный звон». Рассмотрим образ купола, представленный в первой строке стихотворения: «Облака – вокруг, / Купола – вокруг. / Надо всей Москвой / Сколько хватит рук!..» [23, т. 1, с. 268]. Купол символизирует небесный свод, который в мифологической трехмерной модели мира олицетворяет высшие космические сферы. Купол – «место встречи Неба и Земли, вход в вечную жизнь» [8, с. 140]. Данный образ отчетливо соотносится с аполлоническим началом, поскольку является репрезентацией космоса как упорядоченной гармонической целостности.

Однако, как мы уже говорили, оппозиция Аполлон – Дионис «в мире Цветаевой представляет собой амбивалентное единство противоположностей, где аполлоническое нередко становится доминантным» [7, с. 24]. Подобной амбивалентной сутью наделен в контексте стихотворения образ-символ «облако». Облако имеет отношение к небесному миру и соответственно входит в группу ассоциативных образов, связанных с Аполлоном. А.Ф. Лосев в книге «Мифология греков и римлян» отмечает: «Не только море и берега во власти Аполлона, но и воздух, облака и ветры» [11, с. 337]. Вместе с тем облако соотносится с миром природных стихий, связано с мифологемами воды, дождя, символизирует плодородие и, следовательно, обладает дионисийскими коннотациями. Известно, что Дионис является богом плодородия, и, как пишет в книге «Дионис и прадиионисийство» Вяч. Иванов, «Дионис в этом смысле “Нисейский бог” по преимуществу, что слышалось грекам уже в звуке его имени, как бы говорившего им: “сын отчий, небесная влага”. Небесная влага живительного и изначала оплодотворившего Землю дождя и влага вина» [9, с. 92]. Итак, можно сказать, что символика образа облака у Цветаевой соотносится как с аполлоническим, так и с дионисийским началами, олицетворяя их амбивалентное единство.

Подобной амбивалентностью в анализируемом нами стихотворении обладает и образ-символ «деревцо», представленный во второй строфе: «...возношу тебя, бремя лучшее, / Деревцо мое / Невесомое...» [23, т. 1, с. 268]. Данный образ в общем ассоциативном контексте произведения предполагает возможность аллюзийной отсылки к мифологеме «мирового древа», олицетворяющего взаимопроникновение и единство хтонических и космоизирующих начал. В.Н. Топоров отмечает: «Мировое дерево, как и любой из его эквивалентов, находится в сакральном центре мира и занимает вертикальное положение. ... Для мирового дерева характерно тройное членение по вертикали, позволяющее различать корни, ствол и ветви...» [21, с. 267]. Таким образом, в «деревце» Цветаевой, отражающем вселенское древо, ветки соотносятся с небом, аполлоническими // солярными энергиями, ствол – с земным миром, корни – с дионисийскими // хтоническими силами.

Смысловыми обертонами единства-противоположности аполлонического и дионисийского наделены также следующие далее образы стихотворения: «...и все сорок – чти / Сороков церквей...» [23, т. 1, с. 268]; «...все привольное / семихолмие...» [23, т. 1, с. 268]. Церковь и холм образуют с образом деревца своеобразную триаду, соотносящуюся с базовыми координатами мифологической модели мира: «храм», «мировая гора», «мировое древо». Это мифологемы, символизирующие единство разных планов мироздания, – взаимосвязи космических и хтонических сфер, «властителями» которых являются Аполлон и Дионис. Символическая триада Цветаевой сублимирует аполлоническую // солярную и дионисийскую // хтоническую энергии, которые взаимодействуют и взаимодополняют друг друга. Выстроенный в стихотворении ряд образов-символов воспроизводит модель вселенной, являясь художественной проекцией ее структуры, отражая в себе ее сакральную суть и сердцевину. Мы видим, что «деревцо», «церковь» и «семихолмие» М. Цветаевой предстают перед нами как еще одно олицетворение единства противоположных начал: солярного – хтонического и, соответственно, аполлонического – дионисийского.

Амбивалентно содержателен и звучащий символ «колокольный звон» в строке: «...Мне же вольный сон, / колокольный звон...». Образ колокола уходит корнями в архаические пласты мифологии и значим практически во всех древних культурах, в том числе и в славянской. В данном символе четко прослеживается двойственный (бинарный) код: «Покачивания колокольчика знаменуют собой крайности добра и зла, смерти и бессмертия» [20, с. 235]. Колокольный звон как символ в первую очередь заключает в себе аполлоническую духовно-космическую энергию. Это язык Бога, средство общения с ним и средство оповещения людей о сакральных праздниках, о значимых жизненных событиях: «Полость и язык колокола – это уста и язык проповедника» [20, с. 236]. С другой стороны, с точки зрения дионисийской сути, «колокольный звон» – это символ тревоги, опасности, звон колокола оповещал о похоронах, нападениях врагов, бурях.

Образ «вольного сна» в анализируемой строке прочитывается как мифологизированный оксюморон, наделенный особым символическим смыслом. «Сон» с достаточной определенностью может быть соотнесен с аполлоническим началом: «Аполлинизм, религия Аполлона, есть, прежде всего, стихия сновидения» [13 с. 18]; в то же время словообраз «вольный» характеризует дионисийскую вакхическую энергию: Дионис «...провозглашал и осуществлял свободу» [8, с. 56]. Следовательно, мотивные комплексы «колокольного звона» и «вольного сна» вновь свидетельствуют о нерасторжимом единстве аполлонического и дионисийского начал в художественном мире данного стихотворения.

Мифологизированную солярно-хтоническую символику приобретают в данном контексте и числовые образы «сорок» и «семь»: «...и все сорок – чти / Сороков церквей...» [23, т. 1, с. 268]; «...все привольное / семихолмие...» [23, т. 1, с. 268]. С одной стороны, число сорок во многих культурах символизирует смерть, а в Древней Греции оно было связано с культом Диониса; с другой – олицетворяет упорядоченное множество, что уже связано с аполлонической сущностью бытия (ср., например: «Число сорок определяет длительность многих ритуальных действий в иудейской, христианской и исламской традициях» [25]). Число семь символизирует центр, ось мира. Семь – это и небесное, и земное, это число Вселенной, макрокосма, означающее полноту и совокупность. Оно включает в себя числа три и четыре, которые определяют космологическую модель мира: три – число неба, четыре же соотносится с земными стихиями; из их единства возникает число семь «как выражение идеи Вселенной, как полный состав пантеона», как константа «в описании мирового древа, как число дней недели и т. д.» [22, с. 236]. Семь, как и сорок, соединяет в себе амбивалентные энергии и выражает тем самым полноту бытийной сферы.

Таким образом, анализ стихотворения «Облака – вокруг, / купола – вокруг...» [23, т. 1, с. 268] приводит к выводу, что в создаваемой Цветаевой художественной реальности проявлены как хтонические, дионисийские энергии, так и солярные, аполлонические. Однако дионисийские образы мы видим редуцированными до минимума, они гармонично «встроены» в общую картину космозированного мира. Аполлоническое начало представлено здесь доминантным, а дионисийское существует в органическом единстве и взаимодействии с ним.

В другом стихотворении цикла «Стихи о Москве» – «Из рук моих – нерукотворный град...» [23, т. 1, с. 273] – аполлоническое начало, на первый взгляд, также является доминирующим. Это обусловлено и восприятием Аполлона как символа неба, и традиционными ассоциациями, связывающими аполлоническое начало с пластическими искусствами. Отметим целый ряд образов-символов, приобретающих в этом плане знаковый смысл: «нерукотворный град», «церковка», «Спасские ворота», «часовня», «пятисоборный круг», «червонные купола». В процессе детального анализа стихотворения мы приходим к выводу о том, что данные образы связаны одновременно и с дионисийскими энергиями. В поэтической картине мира, воплощенной в данном стихотворении М. Цветаевой, аполлоническое и дионисийское начала также представлены в амбивалентных отношениях единства-противоположности.

Рассмотрим первую строку стихотворения: «Из рук моих – нерукотворный град / Прими, мой странный, мой прекрасный брат...» [23, т. 1, с. 273], – в которой четко прослеживается аполлонический код. Аполлон почитался как «основатель и строитель городов» [14, с. 77], поэтому мы можем сказать, что символический образ «нерукотворного града» непосредственно связан с аполлоническим началом. Москва, в изображении Цветаевой, – город «нерукотворный», созданный не человеческим, а божественным творчеством и, как результат сакрального созидательного акта, связан с аполлоническими демиургическими мотивами.

В третьей и четвертой строке стихотворения: «По церковке всё – сорок сороков / И реющих над ними голубков...» [23, т. 1, с. 273] – особое значение приобретают образы-символы «церковка», «голубки» и числовой фразеологизм «сорок сороков».

Как мы уже отмечали выше, в образе церкви проявлена и аполлоническая, и дионисийская сепантика. «Церковка» – синоним «храма», который соотносят с космологической структурой мироздания, храм, например, символически является осью вселенной. Так, «по античным представлениям храм был моделью мира, воплощением храма небесного, где обитали боги; через него проходила мировая ось, земля соединялась с небом» [26, с. 225]. Соответственно, храм – место, где встречаются все три бытийных плана: подземный, земной и небесный. Кроме того, «храм, как модель мира, строго сориентирован по сторонам горизонта. К востоку, то есть к свету, к светлому раю, обращена главная часть храма – алтарь, а его западная часть соответственно отождествляется со страной мрака, холода и смерти» [1, с. 72]. Таким образом, мифологема церкви у М. Цветаевой выражает равновесие противоположных начал, связанных со сферами пребывания Аполлона и Диониса. На амбивалентные отношения единства-противоположности между аполлоническим и дионисийским также указывают парящие над церквями голубки. «Голубь – христианский символ Святого Духа...» [6, с. 183], и, как божественный посланец, он близок к аполлонически организованным пространству, «верхнему миру», в то же время, как «первенец любви» [4] он посвящен Дионису.

Фразеологическое выражение «сорок сороков» ассоциируется со значением необозримого множества, а в контексте стихотворения репрезентирует все московские храмы. Вместе с тем число «сорок», как мы уже говорили выше, имеет глубинные сакральные смыслы. Дополним данную ранее интерпретацию этих смыслов новыми семантическими нюансами. Так, например, согласно христианскому вероучению, душа умершего в течение сорока дней проходит мытарства, пока не решится ее участь в загробном мире, поэтому на сороковой день после смерти близкие поминают усопшего. Сорок дней продолжается Великий пост, сорок лет блуждал по пустыне еврейский народ во главе с пророком Моисеем, сорок дней и ночей плавал на ковчеге Ной, сорок дней после своего чудесного воскрешения оставался на Земле Христос. Во всех своих значениях число «сорок» наделено божественной символикой, то есть соотносится с небесным началом. В то же время оно непосредственно связано со смертью и последующим воскрешением и, таким образом, с дионисийскими сферами бытия. Дионис ассоциировался не только с культом смерти, но и с воскресением, поскольку был причислен к сонму богов лишь после окончания земной инкарнации.

В пятой строке стихотворения: «И Спасские – с цветами – воротá...» [23, т. 1, с. 273] – семантически акцентирован в контексте наших интерпретаций образ ворот. Спасские ворота – это известный архитектурный памятник, но в то же время «ворота» как образ – это и важнейший символ границы между мирами, в том числе – между небесным, верхним и нижним, подземным. «В мифологии символическое значение имеют ворота загробного мира, ведущие в ад (символ смерти), и небесные врата, открывающие путь в рай (символ духовного бессмертия)» [3, с. 369].

К небесным, аполлоническим символам мы можем отнести и «часовню звездную», и «пятисоборный круг», о которых говорится в седьмой и девятой строке: «Часовню звёздную – приют от зол – / Где вытертый – от поцелуев – пол; / Пятисоборный несравненный круг...» [23, т. 1, с. 273]. Образ часовни у М. Цветаевой сближается с образом неба, благодаря использованному здесь эпитету «звездная». Круг считается в мифологии «совершеннейшей из фигур» [16, с. 560] и олицетворением многих солярно-космических объектов: «золотой круг (диск) представляет Солнце, серебряный – Луну, голубой или синий – Небо» [3, с. 24].

Также выделяем триаду символов, которую мы встречаем в тринадцатой, четырнадцатой и пятнадцатой строке: «Червонные возблещут купола, / Бессонные взгремят колокола, / И на тебя с багряных облаков...» [23, т. 1, с. 273]. Образы «купола», «колокола» и «облака», как и в первом проанализированном нами стихотворении, выражают прежде всего аполлоническое начало, так как связаны с небесной символикой. Однако определяющие их эпитеты привносят отчетливые дионисийские коннотации, что создает смысловое единство противоположных начал. Рассмотрим эту диалектику подробнее.

Образ купола традиционно ассоциируется с небом (Аполлоном), однако цвет куполов в стихотворении неоднозначен: «червонные», то есть красные, можно соотнести как с аполлоническим, так и с дионисийским мотивным комплексом. Красный цвет имеет амбивалентную природу, одновременно являясь символом жизни и смерти, проявляя в себе как разрушительные, так и созидательные силы. (Так, например, в другом стихотворении М. Цветаевой – «Красною кистью...» [23, т. 1, с. 273] – семантика красного цвета имеет в своей основе единство противоположных энергий: спокойную гармонию, возвещающую радость, созидание и – неистовое «вакхическое» начало.) Амбивалентен в анализируемой символической триаде стихотворения не только цвет куполов, но и цвет облаков – «багряный» (означающий интенсивный красный). Подобное сочетание гармоничной небесной символики с тревожным, «страстным» оттенком красного цвета позволяет увидеть здесь взаимодействие аполлонического и дионисийского мироощущений.

Дионис и Аполлон в мифологии и культуре непосредственно связаны с музыкой. В контексте данного стихотворения тема музыки отражена в образе «колокольного звона». Как мы уже говорили, символика колокола чрезвычайно разнообразна: «в одном случае веселый перезвон колоколов возвещал о счастливых событиях в жизни людей, таких, как свадьба или победа; в другом – тревожный набат сигнализировал о грозящей опасности; в третьем – печальный и торжественный звон раздавался на похоронах; в четвертом – звук колокола лишь бесстрастно отмечал ход времени» [1, с. 447].

Аполлон считается музаводителем и искусным музыкантом. По словам А.Ф. Лосева, «Аполлон и вошел в семью олимпийских богов как музыкант и поэт» [11, с. 347]. То же самое можно сказать и о Дионисе: «Он – «тот, что шумит». Альтернативные имена Диониса и его спутниц нередко образовывались от греческих слов «шум», «крик», «грохот». На древних скульптурах божество часто изображалось вместе со звонкими музыкальными инструментами» [2, с. 100]. Он родоначальник бурных плясок, ассоциацию с которыми вызывают гремящие в ночи («бессонные») колокола. Двойственный код четко прослеживается в данном символе, так как колокол олицетворяет два противоположных начала: небесный свод, связанный с комическими силами, и хтонические энергии, связанные с дионисийскими стихиями звука.

Таким образом, анализ стихотворения «Из рук моих – нерукотворный град ...» позволяет нам прийти к выводу о взаимодействии и взаимопроникновении аполлонических и дионисийских сфер в воссоздаваемой здесь поэтической реальности. Дионисийские образы непрерывно вторгаются в общую картину космизированного мира, привнося в нее ноты особой взволнованности. Несмотря на то что в визуальном ряде стихотворения преобладают аполлонические образы, мы не можем однозначно говорить об их доминантном значении, поскольку на уровне глубинной художественной символики аполлоническое и дионисийское мировосприятие интегрируются в общебытийное единство.

В сюжетной основе стихотворения «Красною кистью...» [23, т. 1, с. 273] мы также обнаруживаем онтологическое единство двух полярных стихий. Аполлоническая и дионисийская энергии

вступают здесь во взаимодействие, образуя цикличность, бесконечность круговорота стихий, что отчетливо обозначено через ключевые образы-символы: «кисть рябины», «листья», «колокол», а также через семантику красного цвета и персонифицированную символику «субботного дня».

Рассмотрим архетипическое значение образа красного цвета в первой строке: «Красною кистью / Рябина зажглась» [23, т. 1, с. 273]. Мы уже отмечали, что в символическо-мифологическом плане красный цвет наделяется амбивалентной природой, проявляя в себе как разрушительные, так и созидательные силы. Дополняя вышесказанное, следует акцентировать внутреннюю смысловую поляризованность этого образа: «Символическое значение архетипа красного цвета простирается от полюса агрессии, разрушения и убийства до полюса любви, самоотдачи и жертвы» [17, с. 42]. Красный цвет связан как с солярными энергиями (например, в славянской культуре красный цвет олицетворял солнце – Ярило), так и с хтоническими силами (он являлся атрибутом хтонических персонажей: «красную одежду или шапку носят домовая, водяная, шуликуны; красные глаза, зубы, волосы у ведьмы, шуликунов, русалок» [24]). Соответственно мы можем сказать, что символика красного цвета соотносится и с дионисийским (хтоническим) началом, и с аполлоническим (солярным). Амбивалентная природа красного цвета в стихотворении Цветаевой позволяет сделать вывод о том, что в сознании лирической героини существует нечто общее, объединяющее эти два противоположных начала.

Во второй и третьей строке стихотворения: «...Рябина зажглась. / Падали листья...» [23, т. 1, с. 273] – с красным цветом соотносятся образы-символы «рябина», «листья». Кисть рябины и листья символизируют «множественность человеческих жизней и их краткость» [11]. Листья, в том числе и плоды деревьев, – часть мирового древа, эпицентр взаимопроникновения и взаимодействия хтонической и космической энергии. С одной стороны, листья и плоды – символ жизни, ее источник, опадая, они обогащают почву питательными веществами, с другой стороны, символизируют смерть, увядание и разрушение. «Зеленое, цветущее дерево – символ жизни, мертвое, засохшее – символ смерти» [5]. Данные образы отчетливо демонстрируют взаимопроникновение и цикличность двух противоположных энергий, приводя к выводу о том, что одно не может существовать без другого. Лирическая героиня стихотворения проявляет в своем сознании эту амбивалентную цикличность, где, с одной стороны, происходит процесс разрушения, умирания («падали листья»), а с другой – процесс рождения («я родилась»).

Следующий ряд образов стихотворения также имеет двойственную природу. В строках «...Спорили сотни / Колоколов...» [23, т. 1, с. 273] солярно-хтонической // аполлоническо-дионисийской символикой обладает не только рассмотренный нами ранее знаковый образ колокола, но и образ-символ «сотни». Несмотря на то что числовые знаки соотносятся с аполлоническим началом, образ «сотни» включает в себя и дионисийский элемент, так как он указывает не только на упорядоченность, но и на неопределенную множественность, приводящую к выходу за грани рационального мировосприятия. Дионисийско-аполлоническая амбивалентность мироощущения лирической героини, отмечена здесь и образом «спорящих» колоколов, в котором соединяются звуковые проявления гармонии и диссонансов.

Символическую основу имеет и «субботный» день, в который рождена лирическая героиня. Персонализированность этого дня, связанного с Иоанном Богословом, несущим божественное знание и гармонию, определяет аполлоническую природу героини. Однако суббота посвящена Сатурну, он же Кронос – хтонический персонаж. Следует отметить, что Кронос является солярно-хтоническим божеством, так как символизирует время, олицетворяющее одновременно и созидание, и разрушение. Таким образом, в лирической героине мы вновь обнаруживаем двуединство полярных стихий, энергии которых взаимодействуют друг с другом и влияют на ее личностную природу как изнутри, так и извне.

Подводя итоги, отметим, что в поэтическом сознании М. Цветаевой, отраженном в рассмотренных нами стихотворениях цикла «Стихи о Москве», дионисийское и аполлоническое существуют в диалектическом единстве противоположностей, во взаимодействии и взаимопроникновении. Вместе с тем в каждом из проанализированных произведений эти начала имеют особый характер и специфику художественного проявления. Эта специфика в свою очередь является отражением своеобразия и неоднозначности характера и личности лирической героини цикла. Отметим, что анализ трех выбранных нами стихотворений не исчерпывает все многообразие путей реализации мифологемы Аполлон – Дионис в «Стихах о Москве», однако позволяет сделать ряд значимых предварительных выводов и наметить перспективы дальнейшего исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Богородская О.Е., Котлова Т.Б. Колокол. Храм // История и теория культуры. Учебное пособие / науч. ред. В.Ю. Халтурин. Иваново: Ивановский государственный энергетический университет (ИГЭУ), 1998. 81 с.
2. Вальтер Ф.О. Дионис. Миф и культ. М.: Клуб Касталия, 2016. 224 с.
3. Вовк О.В. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. 528 с.
4. Голубь // Энциклопедия знаков и символов. [Электронный ресурс]. URL: http://booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/Голубь (дата обращения: 05.01.2021).
5. Дерево (символ) // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. [Электронный ресурс]. URL: <http://megabook.ru/article> (дата обращения: 05.01.2021).
6. Джеймс Холл. Словарь сюжетов и символов в искусстве. Пер. с английского А.Е. Майкапара. М: Крон-Пресс, 1996. 656 с.
7. Ибагуллина Г.М. Аполлоническое и дионисийское в стихотворении М. Цветаевой «Семь холмов – как семь колоколов...» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Выпуск 1. С. 23-27.
8. Ключников С.Ю. Агни Йога. Симфония. Книга I. М.: Беловодье, 1997. 528 с.
9. Иванов В. Дионис и прадионисийство. СПб.: Алетейя, 1994. 176 с.
10. Кудрова И.В. Гибель Марины Цветаевой. М.: Независимая газета, 1999. 320 с.
11. Листья (символ) // Тресиддер Д. Словарь символов. М., 1999. [Электронный ресурс]. URL: http://booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/12.htm (дата обращения: 05.01.2021).
12. Любушин В.И. «Безмерность» и «стихии» Марины Цветаевой (к проблеме дионисийства в поэзии М. Цветаевой) // От текста к контексту. Сборник научных статей. Ишим, 2002. С. 100-108. [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.nklibrary.kz/kolekci/arhivy-severokazahstanskikhkraevedov/lyubushin-v-i/-bezmernost-i-nauchnyh-statei-ishim-2002-c> (дата обращения: 05.01.2021).
13. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян / сост. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1996. 975 с.
14. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 959 с.
15. Лютова С.Н. Марина Цветаева и Максимилиан Волошин: эстетика смыслообразования. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2004. 192 с.
16. Мифы народов мира: Энциклопедия. Электронное издание, 2008 / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1 (А-К). 720 с. [Электронный ресурс]: URL: http://archive.org/details/Myths_of_the_Peoples_of_the_World_Encyclopedia_Electronic_publication_Tokarev_and_others_2008/page/n3/mode/2up (дата обращения: 05.01.2021).
17. Обухов Я.Л. Красный цвет // Журнал практического психолога. 1996. № 5. С. 39-47.
18. Погребная В., Тонких И. Философские детерминанты интерпретации традиционных сюжетов и образов в творчестве М. Цветаевой 1920-х гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://pdf.knigi-x.ru/21raznoe/276223-1-issn-2075-1486-filologichni-nauki-2012-literaturoznavstvo-udk-8211611-82-21-viktoriya-pogrebnaya-irina-tonk.php> (дата обращения: 05.01.2021).
19. Рамазанова З.Б. Сатирические и лирические герои поэмы Марины Цветаевой «Крысолов»: дис. ... канд. филол. н. Махачкала, 2006. 153 с.
20. Рощаль В.М. Энциклопедия символов. М.: АСТ; СПб: Сова, 2008. 1007 с.
21. Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 448 с.
22. Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Теория и некоторые частные ее приложения. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. 816 с.
23. Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. / сост. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Терра: Кн. лавка, 1997.
24. Цвет // Энциклопедия знаков и символов. [Электронный ресурс]. URL: <http://symbolarium.ru/index.php/Цвет> (дата обращения: 05.01.2021).
25. Число 40 // Энциклопедия знаков и символов. [Электронный ресурс]. URL: http://symbolarium.ru/index.php/Число_40 (дата обращения: 05.01.2021).
26. Ярхо В.Н. Храм // Античная культура. Литература, театр, искусство, философия, наука. М.: Словарь-справочник. Высшая школа, 1995. 383 с.

Поступила в редакцию 05.02.2021

Нуриева Вилена Маратовна, аспирант
Стерлитамакский филиал ГОУ ВО «Башкирский государственный университет»
453103, Россия, г. Стерлитамак, просп. Ленина, 49
E-mail: vilena5555@mail.ru

*V.M. Nurieva***THE APOLLONIAN AND THE DIONYSIAN IN M. TSVETAEVA'S CYCLE "POEMS ABOUT MOSCOW"**

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-6-1281-1288

The article considers figurative and semantic functions of the Apollo – Dionysus mythologeme in M. Tsvetaeva's cycle "Poems about Moscow". The relevance of this problem is determined by the deficient extent of the knowledge between the Apollonian and Dionysian principles in the contexts of the works included in the cycle. In spite of the fact that the most of literary critics consider the Dionysian code to be dominant for M. Tsvetaeva's poetics, an analysis of a variety of poems from this cycle detects that Apollonian symbolism and associated with it motivic complexes play a primary role. This attitude conditioned to the scientific novelty of the article and its main position. This attitude explains the scientific novelty of the article and its main position. The conclusion is made that the Apollonian and the Dionysian are manifested in the literary worlds of the poems in various forms of relationships primarily as ambivalent principles of unity-opposites, illustrating the dialectical harmony of the cosmized reality in which the mind of a lyrical heroine is located.

Keywords: M. Tsvetaeva, cycle "Poems about Moscow", Dionysian, Apollonian, myth, symbol, paradigm.

REFERENCES

1. Bogorodskaya O.E., Kotlova T.B. Kolokol [Bell] // *Istoriya i teoriya kul'tury* [History and theory of culture. Training manual]. Uchebnoe posobie. / nauch. red. V.Yu. Halturin. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj energeticheskij universitet (IGEU), 1998. 81 p. (In Russian).
2. Val'ter F.O. Dionis. Mif i kul't [Dionysus. Myth and Cult]. M.: Klub Kastaliya, 2016. 224 p. (In Russian).
3. Vovk O.V. Enciklopediya znakov i simvolov [Encyclopedia of signs and symbols]. M.: Veche, 2006. 528 p. (In Russian).
4. Golub' // [Elektronnyj resurs]: Enciklopediya znakov i simvolov [Dove // [Electronic resource]: Encyclopedia of signs and symbols]. URL: [http:// www. booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/Golub'](http://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/Golub') (data obrashcheniya: 05.01. 2021). (In Russian).
5. Derevo (simvol) [Tree (symbol)]. Megaenciklopediya Kirilla i Mefodiya [The mega-encyclopedia of Cyril and Methodius] // [Elektronnyj resurs]. URL: <https://megabook.ru/article> (data obrashcheniya: 05.01.2021). (In Russian).
6. Dzhejms Holl. Slovar' syuzhetov i simvolov v iskusstve. Per. s anglijskogo A.E. Majkapara [Dictionary of subjects and symbols in art. Translated from English by A.E. Maikapara]. M.: Kron-Press, 1996. 656 p. (In Russian).
7. Ibatullina G.M. Apollonicheskoe i dionisijskoe v stihotvorenii M. Czvetaevoj «Sem' holmov – kak sem' kolokolov...» [Apollonian and Dionysian in the poem by M. Czvetaeva "Seven hills-like seven bells..."] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2020. T. 13. Vypusk 1. pp. 23-27 (In Russian, unpublished).
8. Klyuchnikov S.Yu. Agni Joga. Simfoniya. Kniga I [Symphony. Book I]. M.: Belovod'e, 1997. 528 p. (In Russian).
9. Ivanov V. Dionis i pradionisijstvo [Dionysus and pradionisism]. SPB.: Aletejya, 1994. 176 p. (In Russian).
10. Kudrova I.V. Gibel' Mariny Czvetaevoj [The Death of Marina Czvetaeva]. M.: Nezavisimaya gazeta, 1999. 320 p. (In Russian).
11. Listja (simvol) [Leaves (symbol)]. Tresidder D. Slovar' simvolov [Dictionary of symbols]. M., 1999 [Elektronnyj resurs]: // URL: [http://. booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/12.htm](http://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/12.htm) (data obrashcheniya: 05.01.2021). (In Russian).
12. Lyubushin V.I. «Bezmernost'» i «stihii» Mariny Czvetaevoj (k probleme dionisijstva v poezii M. Czvetaevoj) ["Im-mensity" and " elements " of Marina Czvetaeva (to the problem of Dionysianism in the poetry of M. Czvetaeva)] // *Ot teksta k kontekstu. Sbornik nauchnyh statej* [From the text to the context. Collection of scientific articles]. Ishim, 2002. S. 100-108 // To zhe: [Elektronnyj resurs]: URL: <https://elib.nklibrary.kz/kolekci/arhivy-severokazahstanskih-kraevedov/lyubushin-v-i/-bezmernost-i- nauchnyh-statei-ishim-2002-c> (data obrashcheniya: 05.01.2021). (In Russian).
13. Losev A.F. Mifologiya grekov i rimlyan [Mythology of the Greeks and Romans] / sost. A. A. Taho-Godi i I. I. Mahan'kova. Moskva.: Mysl', 1996. 975 p. (In Russian).
14. Losev A.F. Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii [Essays of ancient symbolism and mythology]. M.: Mysl', 1993. 959 p. (In Russian).
15. Lyutova S.N. Marina Czvetaeva i Maksimilian Voloshin: estetika smysloobrazovaniya [Marina Czvetaeva and Max-imilian Voloshin: aesthetics of meaning formation]. M.: Dom-muzej Mariny Czvetaevoj, 2004. 192 p. (In Russian).
16. Mify narodov mira: Enciklopediya v 2-h t [Myths of the peoples of the world: An encyclopedia in 2-h t.] / gl. red. S.A. Tokarev. M.: Bol'shaya Ros. encikl., 2003 . T. 1 (A-K). 720 p. (In Russian).
17. Obukhov Ya.L. Krasnyj cvet // *Zhurnal prakticheskogo psihologa* [Krasny tsvet // Journal of practical psychology]. 1996. No. 5. pp. 39-47. (In Russian).

18. Pogrebnaya V., Tonkih I. Filosofskie determinanty intepretacii tradicionnyh syuzhetov i obrazov v tvorchestve M. Cvetaevoj 1920-h gg. [Philosophical determinants of the interpretation of traditional plots and images in the work of M. Tsvetaeva in the 1920s.]. [Elektronnyj resurs]: URL: <http://pdf.knigi-x.ru/21raznoe/276223-1-issn-2075-1486-filologichni-nauki-2012-literaturoznavstvo-udk-8211611-82-21-viktoriya-pogrebnaya-irina-tonk.php> (data obrashcheniya: 05.01.2021). (In Russian).
19. Ramazanova Z.B. Satiricheskie i liricheskie geroi poemy Mariny Czvetaevoj «Krysolov»: diss. ... k. filol. n. [Satirical and lyrical, the characters of the poems of Marina Czvetava "Pied Piper" dis. ... kand. filol. n.]. Mahachkala, 2006. 153 p. (In Russian).
20. Roshal' V.M. Enciklopediya simbolov [Encyclopedia of symbols]. M.: AST; SPB: Sova, 2008. 1007 p. (In Russian).
21. Toporov V.N. Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekxy. T. 1 [The world tree: Universal sign complexes. Vol. 1.]. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2010. 448 p. (In Russian).
22. Toporov V.N. Issledovaniya po etimologii i semantike. Teoriya i nekotorye chastnye ee prilozheniya [Research on etymology and semantics. Theory and some private applications of it]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. T. 1. 816 p. (In Russian).
23. Czvetava M.I. Sobranie sochinenij: V 7 t. / sost. A. Saakyanc i L. Mnuhina [Collected works: In 7 t. / comp. A. Sahakyants and L. Mnukhina]. M.: Terra: Kn. lavka, 1997. (In Russian).
24. Cvet [Color] // [Elektronnyj resurs]: Enciklopediya znakov i simbolov [An encyclopedia of signs and symbols] // URL: <http://symbolarium.ru/index.php/Cvet> (data obrashcheniya: 05.01. 2021). (In Russian).
25. Chislo 40 [The number 40] // [Elektronnyj resurs]: Enciklopediya znakov i simbolov [an encyclopedia of signs and symbols] // URL: http://symbolarium.ru/index.php/CHislo_40 (data obrashcheniya: 05.01.2021). (In Russian).
26. Yarho V.N. Hram [Temple] // Antichnaya kul'tura. Literatura, teatr, iskusstvo, filosofiya, nauka [Ancient culture. Literature, theater, art, philosophy, science]. M.: Slovar'-spravochnik. Vysshaya shkola, 1995. 383 p. (In Russian).

Received 05.02.2021

Nurieva V.M, postgraduate student
Sterlitamak branch of Bashkir State University
Prospect Lenina, 49, Sterlitamak, Russia, 453103
E-mail: vilena5555@mail.ru